

**Константин Михайлович
Станюкович**

Маленькие моряки

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Константин Михайлович Станюкович

Маленькие моряки / Константин Михайлович Станюкович – М.: Книга по Требованию, 2011. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-2976-6

Константин Михайлович Станюкович - русский писатель конца XIX века. Станюкович любил образ корабля, его рассказы о море и морях любимы читателям и сейчас.

ISBN 978-5-4241-2976-6

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Станюкович Константин
Михайлович
Маленькие моряки

Станюкович К.М.
Маленькие моряки
I

- Ты чем думаешь быть, а?

Такой вопрос задал мне тихим, слегка гнусавым голосом высокий, худой, болезненный на вид старик с коротко остриженной седой головой, с темными пронизательными глазами, от взгляда которых веяло холодом, в адмиральском сюртуке с золотыми генерал-адъютантскими аксельбантами через плечо - когда однажды после парадного обеда с музыкой, недели за две до высадки в Крым союзной армии, отец подвел меня, десятилетнего мальчугана, к почетнейшему из своих гостей - главнокомандующему войсками и любимцу императора Николая, князю Меншикову.

Он сидел, прихлебывая кофе, по-видимому, хмурый и скучающий, в числе других гостей, на широком балконе, выходящем в сад, обширного каменного дома командира порта и военного губернатора оживленного и веселого Севастополя.

С этими словами этот неприветливый и, как мне казалось, важный и надменный старик, которого все присутствующие как будто боялись, скривил свои губы в подобие улыбки и, к удовольствию матери, потрепал меня по щеке своей сухой, костлявой рукой.

- Инженером, - почему-то вдруг ответил я.

- Инженером? Печи класть, казармы чинить и... и воровать казенные деньги? - промолвил насмешливо князь, взглядывая на меня своими умными холодными глазами. - Не советую, мой милый. Не иди в инженеры! - прибавил, морщась, старик.

Я, совершенно сконфуженный, молчал, решительно не понимая, зачем мне печи класть и воровать казенные деньги. Я знал, что это нехорошо. Отец всегда выражал негодование против тех, кто грабит казну, и я помнил одного безногого генерала, бывавшего у нас в доме, который вдруг куда-то исчез. Говорили, что он был разжалован в солдаты за то, что обкрадывал арестантов.

В эту минуту самым горячим моим желанием было ударить в сад от этого неприятного старика, который наводил на меня страх.

- Вы разве хотите, любезный адмирал, сделать этого молодца Клейнмихелем? спросил князь отца все тем же своим ироническим тоном.

Среди присутствующих раздался сдержанный смех.

- И не думал, ваша светлость, - почтительно отвечал отец. - Я отдам его в пажецкий корпус.

- Все же лучше, - опять поморщился князь и заговорил с матерью.

Я исчез с балкона и долго ломал голову: какая это служба "быть Клейнмихелем", над которою все смеялись, и решил не быть "Клейнмихелем".

Мне довелось еще раз увидеть этого насмешливого старика, которого потом вся Россия бранила за первые наши поражения в Крыму и за ту беспечную неприготовленность, которая обнаружилась во всей своей позорной наготе с первых же дней войны. Встреча эта была в тот самый день, когда отцу принесли с семафорного телеграфа известие, что неприятельский флот в количестве ста вымпелов бросил якорь у Евпатории, и что на нем десант.

Я живо припоминаю взволнованное, полное изумления лицо отца, когда он

читал депешу и затем объявил эту новость матери. Высадке, как кажется, не хотели прежде верить. Я помню, как у нас в доме многие весело говорили, что неприятель не посмеет сунуться. Накануне великой драмы никто, казалось, не провидел севастопольских развалин, и везде с восторгом читали модное тогда патристическое стихотворение:

Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.

В тот день после обеда я ходил с гувернанткой гулять на Графскую пристань. Мы присели на скамейку, любуясь красивыми кораблями, стоящими на рейде. У пристани кого-то дождался щегольской катер. Знакомый молодой моряк, подошедший к гувернантке, объяснил, что ждут главнокомандующего, который переедет через бухту на Северную сторону, чтобы оттуда ехать на позиции к войскам.

Действительно, скоро мы увидели у колоннады Графской пристани старого князя. Он о чем-то говорил с каким-то генералом и стал тихо спускаться по ступенькам пристани в сопровождении двух адъютантов и полковника Вунша, который в своем лице соединял и должность начальника штаба, и должность интенданта и потом судился, как кажется, за злоупотребления. Старик был гораздо сумрачнее, чем тогда у нас на балконе. Его бледно-желтое лицо то и дело морщилось, и губы складывались в гримасу, точно он испытывал какую-то боль.

Я не спускал с него глаз, и мне почему-то вдруг стало жаль этого совсем не страшного для меня теперь старика. В моем детском умишке невольно возникло смутное подозрение, что, верно, что-нибудь не совсем ладно, если князь едет встречать неприятеля, которого, как я постоянно слышал, мы закидаем шапками и уничтожим, такой печальный и задумчивый вместо того, чтобы быть веселым и радостным.

Он проходил совсем близко от скамейки, на которой мы сидели. Я встал и поклонился.

Старик на минуту остановился и, ласково усмехнувшись, проговорил:

- Так в инженеры, а?

- Я не пойду в инженеры! - решительно ответил я.

Но князь, казалось, не обратил внимания на мои слова и тихо, совсем тихо сказал:

- Кланяйся отцу и скажи, чтобы он скорее отправлял вас отсюда...

И, потрепав меня по плечу, старик спустился к катеру.

Вернувшись домой, я застал у нас несколько человек гостей. Мне бросилась в глаза необычайная серьезность всех лиц. Разговоры насчет высадки неприятеля уже не отличались прежней самоуверенностью и не сопровождались веселым смехом. Говорили, что у нас мало войск, плохие ружья, и что город беззащитен.

Отец сидел в кабинете, занятый делами, когда я пришел к нему и передал слова князя. Он, видимо, смутился и приказал никому об этом не говорить. В этот же памятный день к отцу заходил адмирал Нахимов. Они о чем-то долго говорили, запершись в кабинете. Несмотря на предупреждение князя, отец не делал

никаких распоряжений о выезде нашем из Севастополя, хотя многие семьи на другой же день стали выезжать. На вопрос матери: "не лучше ли уехать?" отец ответил: "Еще успеете".

Мои уроки с этого дня внезапно прекратились. К нам ежедневно ходил заниматься со мной И.Н.Дебу, петрашевец, отбывавший наказание в качестве солдата. Несмотря на суровое николаевское время, севастопольское начальство относилось к нему замечательно гуманно и снисходительно. Моряки, казалось, не умели быть жестокими преследователями и без того достаточно наказанного человека. Вне службы он ходил в статском платье, был принят во многих домах и давал уроки, между прочим, и мне, губернаторскому сыну. И никто не видел в этом ничего ужасного. Об И.Н.Дебу у меня сохранилась до сих пор благодарная память, как о замечательно добром, мягком учителе, прихода которого я ждал с нетерпением. Он как-то умел заставлять учиться, и уроки его были для меня положительно удовольствием. Довольно было сказать И.Н.Дебу одно лишь слово: "стыдно", чтобы заставить меня горько сокрушаться о неприготовленном уроке и просить его не сердиться. Я не только любил, но был, так сказать, влюблен в своего учителя. И вдруг он не пришел и больше уже не приходил! Мать сказала, что ему нельзя приходить теперь, он - солдат и, верно, ушел с полком. Впоследствии И.Н.Дебу, бывший в числе защитников Севастополя, произведенный в офицеры, вышел после войны в отставку.

Восьмого сентября, в день Альминского сражения, целый день до нас долетал отдаленный гул орудий. Отец был взволнован, хотя и старался скрыть свое волнение перед домашними. Он нервно и торопливо шагал по кабинету. В течение этого дня многие адмиралы приезжали к отцу за известиями. Но он ничего не знал об исходе битвы, и почтенные моряки уходили взволнованные и хмурые, казалось, предчувствующие печальные вести и беспокоящиеся о судьбе любимого Севастополя и славного черноморского флота. Накануне был и В.А.Корнилов - высокий, худощавый адмирал с необыкновенно умным и выразительным лицом, который через несколько дней, когда Севастополь был оставлен на произвол судьбы, явился организатором защиты и героем, ободрившим маленький гарнизон, состоявший преимущественно из матросов, и вскоре был убит, уверенный, что Севастополь погибнет.

Наконец, в шестом часу вечера известия были получены и, видимо, печальные. Отец куда-то уехал. Мать со слезами говорила, что знакомому адъютанту оторвало руку, и что молодой, только-то приехавший из Петербурга офицер генерального штаба убит... Под вечер, у решетки сада, против балкона, остановился на минуту проезжавший верхом знакомый старый генерал в солдатской шинели, окликнувший мать. На вопрос ее об исходе сражения, он по-французски отвечал, что мы должны были отступить, что такой-то генерал наделал глупостей, и что у него в нескольких местах прострелена шинель.

Проговорив все это, он раскланялся и поехал далее, понуро опустив голову.

За чаем тихо говорили друг другу, что мы разбиты, что войска в беспорядке бежали, что Меньшиков не мог остановить бежавших и с поля битвы послал своего адъютанта Грейга курьером к императору Николаю с одним словесным приказанием: доложить государю то, что он, Грейг, видел... Рассказывая об этом, все сожалели, что бедному Грейгу выпала печальная доля огорчить государя. И помню я, многие присутствующие главным образом печалились, что будет

огорчен государь.*

* Об этой аудиенции Грейга у императора Николая рассказывали потом следующее:

Когда адъютант князя Меншикова явился, прямо с телеги, в кабинет государя и, смущенный и испуганный, пролепетал: "войска вашего величества бежали!!", то государь крикнул на него громовым голосом:

- Врешь, мерзавец!

И будто бы в гневе дернул его за шюртук. И только успокоившись, ободрил совсем перепуганного адъютанта и приказал продолжать доклад, проговоривши:

- Так Меншиков отступил... Рассказывай дальше. (Прим. автора.)

О том, что погибло много солдат в бою, никто не вспомнил. Один из гостей, молодой артиллерийский офицер, приехавший из Петербурга, позволил себе заметить, что теперь Севастополь беззащитен. Его легко взять, если неприятель будет по пятам преследовать армию. Отец резко сказал, что это "вздор", и этим замечанием прекратил разговор; но мне казалось, что он нарочно оборвал артиллериста, но что и сам разделяет это мнение.

На следующее утро, когда я, по обыкновению, пошел гулять с гувернанткой, мы увидели картину, которая до сих пор жива в моей памяти. На улицах то и дело мы видели солдат, - усталых, измученных, раненых, не знающих куда идти, где их части. Они были без ружей и шатались небольшими кучками. Многие протягивали руки за подающим. "Со вчерашнего дня не ели, барчук!" Это все были солдаты разбитой армии, особенно много было таких солдат на базаре. Раненые, они лежали на земле, ютились у стен лавок и стонали... Торговки заботливо давали им есть. Целые беспорядочные кучи солдат стояли на площади перед Графской пристанью... На самой пристани валялись без призора раненые. Никому, казалось, не было до них дела, не было им никакой помощи.

К вечеру в Севастополе кипела работа. То и дело мимо нашего дома матросы везли на себе орудия с кораблей на бастионы. Несколько дней прошло в томительном ожидании. Меншиков с остатками своей разбитой армии не возвращался в Севастополь и делал свое фланговое движение, чтобы не быть отрезанным от сообщений с Россией, предоставив Севастополь самому себе. Корнилов геройски решил защищать город. Матросы и выпущенные арестанты работали день и ночь, возводя укрепления. Неприятельскую армию ждали с часу на час. Я отлично помню, как однажды утром, когда я пришел поздороваться с отцом, он сказал взволнованным голосом:

- В нашем доме сегодня может быть Сент-Арно.

И с этими словами отец, обыкновенно суровый, как-то особенно горячо поцеловал меня.

Но неприятель, не подозревавший, что северная сторона беззащитна, не приходил, и Севастополь был на некоторое время спасен. Войска союзников обходили город, направляясь к южной стороне, чтобы начать правильную осаду. С вышки бельведера в нашем саду я смотрел в подзорную трубу, как двигалась узенькая синяя лента французских войск по Инкерманской долине.

Все ожили. Наконец вернулся и Меншиков с армией.

Когда северная часть была свободна от неприятеля, отец приказал матери

собираться к выезду. В конце сентября наша семья покинула Севастополь. Мы переехали в Симферополь и жили там, нетерпеливо ожидая вести о победе и об изгнании неприятеля и надеясь снова вернуться в Севастополь.

II

Намерение отца сделать из меня сухопутного воина не осуществилось.

Скоропостижная смерть в 1857 году старшего брата, моряка, командовавшего только что построенным паровым клипером, готовым к уходу в кругосветное плавание, изменила мою судьбу. Вместо того, чтобы поступить в пажецкий корпус, куда я уже был переведен из первого, где, в ожидании вакансии в пажи, пробыл полтора года, - я поступил в морской корпус. Отец желал, чтоб и я, как дед и как он сам, был моряком, и чтобы фамилия наша не исчезла из списков флота после его смерти. Ему в это время уже было под семьдесят лет.

После двухмесячной подготовки из математики с одним штурманским офицером, рекомендованным корпусным начальством, инспектор классов, А.И.Зеленой, проэкзаменовал меня у себя на квартире и затем велел идти вместе с ним в классы.

Он сразу расположил к себе - этот невысокого роста, плотный, с большими баками человек лет пятидесяти, немного заикающийся, с скрипучим голосом и мягким, ласковым взглядом маленьких и умных темных глаз, блестящих из-под густых взъерошенных бровей, придававших его лицу обманчивый вид суровости. Мне еще придется в своих воспоминаниях говорить об А.И.Зеленом, любимом и уважаемом несколькими поколениями кадет, а пока только замечу, что меня, несколько оробевшего тринадцатилетнего мальчугана, привыкшего к резкости начальства первого корпуса, необыкновенно приятно тогда поразила ласковая простота инспектора, без всякой примеси казармы и внешнего авторитета грозной власти. Этот авторитет как-то сам собою чувствовался и признавался и без юпитерских взглядов, и без суровых окриков, заставляющих трепетать мальчиков. Александр Ильич был добр и гуманен и не видел в отроках, хотя бы и испорченных, неисправимых преступников, как часто видят даже и современные педагоги. Он понимал детскую натуру и умел прощать, не боясь этим поколебать свой авторитет, и на совести этого доброго честного человека не было ни одного загубленного существа.

Мы вошли с ним в длинный коридор, по бокам которого были классы. Посередине коридор разделялся большим круглым пространством, освещенным сверху, называвшимся почему-то "пикетом" (вероятно, оттого, что там находился дежурный офицер), где, во время перемен, обыкновенно собирались преподаватели. Проходя "пикет", инспектор заметил маленького кадетика, стоявшего на пикете, очевидно, за какую-нибудь вину.

- Ты за что, Орехов? - спросил инспектор, подходя к маленькому белобрысому мальчику с бойкими глазами, который, при виде инспектора, тотчас же сделал постаную физиономию невинной жертвы.

- Меня учитель выгнал из класса, Александр Ильич, - жалобно пискнул белобрысый кадетик, бросая на меня быстрый любопытный взгляд.

Инспектор нахмурил брови и казался сердитым.

- Вижу, что выгнал, а ты скажи-ка мне, братец, за что? - говорил он добродушно-ворчливым тоном, далеко не соответствовавшим напущенному им на себя строгому виду.

- Право, ни за что, Александр Ильич.

- Так-таки и ни за что!? А ты припомни: может, и напроказил, а?

- Я нечаянно толкнул товарища, Александр Ильич.

- Нечаянно!? - усмехнулся Александр Ильич, прищуривая глаза на кадетика. Ишь ты, какой неосторожный... Нечаянно! Ну, и тебя наказали нечаянно... Постой здесь, вперед будешь осторожнее... Да нечего-то жалобную рожу строить. Эка беда - постоять! - прибавил с добродушным смехом Александр Ильич и пошел дальше.

Через минуту мы вошли в первое отделение (или, как у нас звали, в первый номер) старшего кадетского класса*. При появлении инспектора человек тридцать в куртках с белыми погонами встали и в ответ на приветствие инспектора весело отвечали: "здравствуйте, Александр Ильич!" Поднялся сидевший за кафедрой и "француз", т.е. учитель французского языка, - плотный, высокий старик с эспаньолкой, усами и горбатым носом, - видимо не особенно довольный приходом инспектора. Инспектор приказал садиться и, показалось мне, что-то слишком пристально поглядел на очень красное лицо "француза". Затем он приказал мне сесть на заднюю скамейку, где было посвободнее, потрепал по плечу, выразив надежду, что я буду хорошо вести себя и хорошо учиться, и вышел, оставив меня одного под перекрестными любопытными взглядами незнакомых товарищей.

* Всех классов было семь: приготовительный или "точка", три кадетских и три гардемаринских, младшие, средние и старшие. (Прим. автора.)

Едва вышел инспектор, как в классе поднялся шум. Все кричали "новичок, новичок!", не обращая ни малейшего внимания на учителя, то и дело кричавшего: "Silence, messieurs, silence!"* Наконец в классе наступила относительная тишина, и урок продолжался. У кафедры стоял высокий, здоровый малый лет семнадцати, "старикашка", как звали остававшихся в классе на второй год и пользовавшихся своей силой кадет, и переводил из хрестоматии с французского. Перевод этот так не соответствовал тексту и полон был такой импровизации, быстро поднявшей температуру веселости класса, что "француз", хотя и не был силен в русском языке, все же догадался, что стоявший у кафедры верзила издевается над своим учителем самым наглым образом. И он сказал довольно добродушно:

* Тише, господа, тише (франц.).

- Вы не знайт!

- Нет, знаю, - уверенно ответил импровизатор.

- На мест.

Но вместо того, чтобы идти на место, верзила с самым невинным видом, исключавшим, казалось, возможность подозревать какую-нибудь каверзу, подошел к несколько испуганному и тотчас же насторожившемуся старику-французу почти вплотную и начал было убедительно объяснять, что он урок знает и переводил хорошо, и что "Ляфоша" будет "свинья", если поставит ему менее восьмерки, как вдруг учитель, потянув носом, с гримасой отвращения бросился с кафедры к форточке и открыл ее, прошептав по-французски ругательство, при общем веселом гоготании класса, в то время, как верзила торжествуяще возвра-

щался на скамейку.

Спустя минуту-другую француз вернулся на кафедру и с торжественно-решительным видом произнес:

- Silence, messieurs!

Все затихли.

- Господа... Chers messieurs!* Кто будет воняйт больше, тому баль меньше, а кто будет воняйт меньше, тому баль больше!.. Vous concevez!**

* Уважаемые господа! (франц.).

** Вы понимаете! (франц.).

Признаюсь, я был донельзя изумлен такой оригинальной оценкой занятий французским языком, но никто из класса, казалось, не удивился, и в ответ на это предложение с разных сторон раздались голоса:

- Ладно, знаем!

- Небойсь, не любишь, французский барабанщик!

- Не сердись, Ляфоша... Больше не подведем. Форточку закрой.

Слегка выпивший учитель, кажется, уж не сердился и вызвал переводить другого, благоразумно попросив его переводить с своего места.

Потом оказалось, что бедный француз, не выносивший скверного воздуха, почти каждый урок повторял свои условия для получения хороших баллов, но и эти весьма легкие, казалось бы, условия хороших успехов далеко не всегда исполнялись кадетами, находившими какое-то жестокое удовольствие травить этого несчастного французца с тонким обонянием. И он терпел всевозможные дерзости и унижения, не смея жаловаться, чтоб не лишиться своего тяжелого куска хлеба, если б начальство узнало "систему" его преподавания. А эти отроки-кадеты в своих преследованиях учителей, не умевших поставить себя, были изобретательны, злы и безжалостны, как хищные зверьки.

Надо, впрочем, сказать, что этот "француз" в мое время был едва ли не единственным "педагогом", совсем не заботившимся о наших занятиях и которого так жестоко травили кадеты. Вообще персонал учителей по словесные предметам не пользовался особенным уважением, и все эти предметы были в то время не в большом фаворе, но все-таки учителей строгих, не оставлявших безнаказанными шалости, побаивались. Через год этот "француз" был удален из корпуса после того, как однажды он явился в класс, едва держась на ногах, и вскоре заснул на кафедре, усыпанный мелко нарезанными кусочками бумаги, с склоненной седой головой, увенчанной десятком торчавших в волосах перьев и грамматикой Марго на темени. В таком виде его застал инспектор классов.

Вскоре потом я встретил этого бедняка зимой на улице, плохо одетого, пьяненького, приниженного... Он отвернул от меня взгляд, полный не то ненависти, не то укора. Хотя я лично никогда не травил его, но во мне он увидел одного из тех "врагов", которые довели его до бедственного положения, и этого было довольно.

Кто был он, как попал в преподаватели - никто из нас хорошо не знал. Говорили, что он был французским барабанщиком (что не лишено было правдоподобия), затем был гувернером у какого-то генерала, который за него просил директора корпуса, и таким образом он попал в учителя по вольному найму и пробыл в корпусе учителем лет пять... Добросердечный А.И.Зеленой, верно, догадывал

ся о слабости преподавателя, но едва ли знал, что с ним проделывали кадеты и как он преподавал. А может быть, кое-что и знал, но не обращал особенного внимания, тем более, что такому предмету, как французский язык, и само начальство того времени не придавало никакого значения, и он, собственно говоря, преподавался для проформы всеми нашими "французами". Таким образом, одна лишь случайность - внезапное появление инспектора в момент сна пьяного учителя - была, надо думать, единственной причиной его удаления.

Пока "француз" слушал перевод более деликатного кадета, мои ближайшие соседи не оставляли меня своим вниманием. Меня тихо спрашивали: как моя фамилия, откуда родом, кто меня экзаменовал и т.п. Я отвечал на вопросы, спрашивая, в свою очередь, фамилии новых товарищей, как вдруг, совершенно неожиданно, получил сзади такую затрепину, что у меня посыпались из глаз искры. Обернувшись, я увидел того самого верзилу, который заставил француза бежать к форточке.

- Это для первого знакомства, - проговорил он с наглой усмешкой, удаляясь на переднюю скамейку.

Учитель ни слова не сказал. Все кадеты с большим любопытством смотрели на меня. Никто не протестовал против нападения. Я вспыхнул от негодования и молчал, полный злости на обидчика, чувствуя очень хорошо, что от дальнейшего моего поведения зависит мое будущее положение среди кадет и отношение ко мне товарищей... И я решил план действий, выжидая конца класса.

Мой сосед, небольшого роста востроглазый мальчик, с участием посмотрел на меня и шепнул:

- Он старикашка и сильный... очень сильный... Он всех задирает и всегда новичков бьет, пока они не объявят своей покорности... Ты что думаешь делать... Покориться ему?..

- А вот увидишь, - отвечал я прерывающимся от злости голосом...

- Неужели сфискалишь? Ты этого лучше не делай... - участливо заметил сосед. - Это нехорошо. И тебе еще хуже будет...

- Я не фискал, - произнес я...

- То-то! - весело проговорил мой сосед, видимо нравственно удовлетворенный.

Прозвонили перемену, и "француз" быстро вышел из класса, поставив всем отвечавшим хорошие баллы. Все шумно поднялись со скамеек, собираясь выходить из класса, а я, испытывая в одно и то же время и отвагу, и трусость, решительно направился к обидчику, стоявшему у доски. Тогда кадеты остались в классе, ожидая любопытного зрелища. В классе наступила торжественная тишина. Это еще более возбуждало мое самолюбие. "Старикашка", конечно, и не думал, чтобы я, небольшой, худенький мальчуган, осмелился напасть на него, признанного всеми силача, и когда я, не говоря ни слова, приблизился к нему и изо всей силы дал ему пощечину, - он, совершенно изумленный, не веря такой дерзости, в первый момент опешил. Эффект вышел поразительный.

- Ай да новичок, молодчага! - раздался чей-то негромкий одобрителный голос.

"Старикашка", высокий, здоровый, румяный кадет с пробивавшимися усами, успел уже оправиться и с презрительным высокомерием оглядывал меня.

- Стань кто-нибудь на часы... Я его проучу... Давай "хлестаться"!